

ригъ: «глаза — сталелитейный заводъ», «кровь грохочетъ подл котлами сердца и висковъ», въ головѣ одиѣ идеи, въ сердцѣ борьба противъ жизни и женщинъ: «была ему дамой машина и нѣжно шепталъ онъ «динамо»».

Чтобы этотъ коммунистическій броневикъ могъ лучше дѣйствовать, онъ смазанъ какою то септиментальной жижицей, чѣмъ-то вродѣ пресловутой «капли молока пролетарскимъ дѣтмъ», которую рекламируютъ выдѣски московскихъ дѣтскихъ домовъ.

«Николай Курбовъ съ нѣжностью гладилъ паршивую голову»... «Въ дугахъ ножекъ, въ гляницѣ голодныхъ глазъ снѣжущихъ въ догонку бабѣ съ пирожками, во всей картинной исключенности и прозрачности былъ (для него) знакъ, не просто дѣти — пѣвцы этихъ лѣтъ. Цвѣтутъ наперекоръ Ангаптѣ».

Не думаю, чтобы требовался очень тонкій критическій слухъ чтобы понять, до чего все это художественно живо и мертво.

Нѣтъ сомнѣнiя, все русское искусство стоитъ сейчасъ на распутьѣ. Старые идеалы и формы разбиты — новыхъ еще нѣтъ. Безыдейное описательство падошло. Безликое изобразительство не влечетъ. Всѣмъ намъ нужно крѣпко связаться со всѣмъ, что пережила Россiя. Во всѣхъ насъ пульсируютъ новые ритмы и зрѣетъ новая серьезность. Все это безспорно вѣрно, но не менѣе вѣрно и то, что вопросъ новаго писателя — вопросъ нашей общей судьбы, а не произвольнаго щучяго велѣнiя.

Вполнѣ правильно почувствовавъ и разсчитавъ, что Россiи нуженъ новый писатель, по этимъ новымъ писателямъ отнюдь еще не ставъ, Илья Эренбургъ очевидно поторопился спровоцировать себя на написанiе романа вполнѣ современнаго и по стилю, и по симпатiямъ, и по идейному содержанию.

Что изъ такого «предпрiятiя» не могло выйти художественнаго произведенiя достойнаго дарованiя Эренбурга — само собою ясно.

Ф. Степунъ.

Максимъ Горькiй. Мои университеты. Изданiе «Книга», Берлинъ.

Если не считать маленькой, но очень значительной книжки о Толстомъ, я не читалъ Горькаго лѣтъ 10-12. За это время русская литература вся изметалась въ поискахъ новыхъ стилистическихъ путей. Горькаго эти исканiя не коснулись. Стилистически онъ въ своей послѣдней книгѣ остался на томъ же мѣстѣ, съ котораго началъ около 30 лѣтъ тому назадъ. Несмотря на это, онъ отнюдь не устарѣлъ; конечно, это не значитъ, что старые формы существенно новы, но только то, что всякiя формы существенны ровно по-

стольку, поскольку онъ содержательны, и что современный односторонній формализмъ не только безсодержательнъ, но и безформенъ.

Впрочемъ, сравнивать Горькаго съ односторонними формалистами не приходится. Существеннѣе сопоставить его съ основателями новой русской прозы, съ такими-то большими стилистами, какъ Андрей Бѣлый и Алексѣй Ремизовъ.

Раскрывая постѣ этихъ писателей Горькаго, испытываешь такое впечатлѣнiе, какъ будто бы уходишь отъ искусства и входишь въ самую жизнь. Какъ у Бѣлаго, такъ и у Ремизова, есть свой, совершенно особенный мiръ; съ тѣмъ, въ которомъ мы все живемъ, связанный, но отъ него все же и безконечно отчужденъ. Самый простой, будничныи фактъ и Бѣлый, и Ремизовъ разбавляютъ такъ, что отъ него не останется ни буденъ, ни факта: у Бѣлаго онъ превратится въ пророческое безумiе, у Ремизова — въ мистическiй курьезъ. Реализацiи этого своего мiра и Ремизовъ, и Бѣлый достигаютъ прежде всего самодовлѣющимъ своеобразiемъ своей прозы. Читая Ремизова, всегда чувствуешь витиеватый, усердный, замысловато-архаизирующий почеркъ его духа; читая Бѣлаго, никогда до конца не теряешь ощущенiя какихъ-то зауныю гимнастикой духа вывихнутыхъ суставовъ его единственнаго языка.

Читая Горькаго, не ощущаешь ничего подобнаго. Въ его воспоминанiяхъ какъ будто нѣтъ ни стили, ни языка, ни фразы, а есть только образы, и даже не образы, а прямо люди, города, Волга.

Ставя передъ читателемъ этотъ свой мiръ, Горькiй никакъ не обнаруживаетъ того жеста, которымъ онъ это дѣлаетъ. Потому его мiръ и не кажется намъ искусно воздвигнутымъ мiромъ художника, а извѣчно стоящимъ дѣйствительнымъ мiромъ, не искусствомъ, но жизнью. Въ этомъ смыслѣ художественное творчество Горькаго продолжаетъ ту традицiю Толстого, которая въ общемъ оказала очень мало влiянiя на современную литературу, отмѣченную скорѣе рѣшительнымъ тяготѣнiемъ къ Толстому и Достоевскому.

Толстой, конечно, громадное формальное дарованiе, но формы его творчества настолько совершенно совпадаютъ съ формами Божьяго мiра, что онъ за этимъ мiромъ совершенно не чувствуются. Своего мiра у Толстого, въ сущности, нѣтъ. Потому и кажется онъ иногда скорѣе Божьимъ работникомъ на стройкѣ вселенной, чѣмъ слугателемъ своего мiра — художникомъ и пѣвцомъ. Горькiй — художникъ тоже скорѣе изъ породы плотниковъ, чѣмъ пѣвцовъ. Но, конечно, при Толстомъ онъ не ма-

стерь, а подмастерье. Толстой все может, а Горький — съ выборомъ. Природу онъ работаетъ хуже людей. И среди людей ему удаются мужчины лучше женщинъ и социальные низы лучше верховъ и интеллигентовъ.

Есть у Горькаго и еще одна черта, роднившая его съ Толстымъ — это пристрастiе къ разсужденiямъ. Искусство Горькаго много любвеобильнѣе и мудрѣе его взглядовъ на жизнь, его вѣры въ разумъ, его романтики, просвѣтительства и гуманизма.

Эта вѣра и эти взгляды сыграли въ жизни Горькаго, конечно, рѣшающую роль. Они были тою крѣпкою ниткою, при помощи которой онъ взобрался на вершину жизни. Но утвердившись на этой вершинѣ и показывая съ нею разстилающуюся у ея подножiя видъ и пройденный къ ней путь, Горькому не надо показывать намъ свою спасительную дубину да еще славословить ее.

Потрясающе парисованъ пошунствешую, смрадную и непердаваемо непристойную сцену отпѣванiя «болшарина Якова» какими-то павшими людьми въ какой-то почтеннѣхъ, сцену, отъ которой волосы становятся дыбомъ и спазма сжимаетъ горло, Горький заключаетъ ее безконечно бѣдными словами: «было мучительно обидно, — почему я встрѣчаю такъ много грязнаго и жалкаго, тяжело глупаго и страшнаго».

То же самое и въ описанiи «монашеской жизни», — дикой сценой пьянаго разгула и пляса съ раздѣвашемъ женщинъ... «Африканъ Петровскiй озвѣрѣлъ отъ радости, оретъ, свиститъ, замахиваетъ банкою, выгряхивая изъ глазъ слезы, дьяволь, перестань играть, обничайтъ Степахина, цѣлуетъ и задыхаясь бормочетъ:

Тихонъ! Богослужебно... Голубчикъ, все... все простится!..

А Масловъ кружится около нихъ и кричить:

Тихонъ! Царь! Талантъ! Убийца!»

Въ этой сценѣ все непонятно и потому — все ясно. Но Горький прерываетъ ее назидательными и уже совсѣмъ неясными словами.

«Знаю я, что они люди негодные, но они религиозна поклоняются красотѣ, служатъ ей до самозабвешя, упиваются ядомъ ея и способны убить себя ради нея».

Что же это за негодные люди, которые способны умереть ради красоты? И почему красота ядовита? И вѣрно ли, что компанiя на станци «Добринка» раздѣвала женщинъ въ религиознаго тоскѣ о красотѣ?

Все это крайне сомнительно, и сомнительность эта досадно подкапываетъ совершенно несомнѣнную въ своемъ художественномъ бытiи сцену, нарисованную съ большимъ темпераментомъ, правдой и зоркостью.

И такихъ мѣстъ въ послѣдней книгѣ Горькаго много. Плохо въ нихъ не то, что описанія смѣшиваются съ размышленіями, — это форма вполне законная, въ автобіографическомъ же искусствѣ, вѣроятно, и неизбежная, — но лишь въ томъ, что размышленія по своему удѣльному вѣсу не соответствуютъ высотѣ художественнаго творчества. Горькій иной разъ думаетъ, словно самъ себя крылья рубить.

«Мои университеты» — третья часть автобіографіи Горькаго. Состоитъ она изъ шести главокъ не вполне равноцѣннаго достоинства. Много значительнѣе четырехъ послѣднихъ двѣ первыя: «мои университеты» и «сторожокъ», составляющія 2/3 всей книжки. На 150 страницахъ Горькій нарисовалъ нѣсколько десятковъ людей. Каждому удѣлено всего только нѣсколько страницъ, иногда нѣсколько строкъ, никто не поставленъ въ центрѣ разсказа, всё только мелькаетъ мимо Горькаго, который разсказываетъ о себѣ. Но, несмотря на это, всё люди остаются въ памяти читателя рѣзко очерченными и вполне законченными образами.

Какъ извѣстно, Горькій не любитъ Достоевскаго. Въ своихъ оцѣнкахъ какъ Россіи, такъ и свойствъ русскаго народа онъ прямой антиподъ Достоевскаго. А все же та Россія, которую чувствуетъ и художественно утверждаетъ Горькій, очень близка Россіи Достоевскаго.

Философствованіе, какъ единственное серьезное дѣло жизни, человекъ, какъ величайшая загадка жизни, Богъ, какъ вѣчная мука человекъ, соблазнительность грѣховъ, какъ вызовъ Богу, органическое корневое единство едраднаго и святаго, геніальнаго и ничемнаго, напряженнѣйшей внутренней жизни и полной внѣшней бездѣятельности, самопожертвованія и злѣбской жестокости — все это характернѣйшія черты Россіи Достоевскаго, и всё онѣ до одной налицо въ тѣхъ жуткахъ, безвѣчно даровитыхъ и загадочныхъ людяхъ, которые нарисованы Горькимъ въ его воспоминаніяхъ. Впрочемъ, глубоко загадочны люди Горькаго только сами по себѣ, всё же вмѣстѣ они кажутся-то таинственными образомъ разгадываютъ загадку Россіи и приближаютъ къ намъ то, что въ ней сейчасъ происходитъ. И вотъ, какъ это ни странно, читая жуткія воспоминанія Горькаго, невольно успокаиваешься за Россію.

Почему? — Думается, потому, что своими глазами видишь до чего все то, что сейчасъ въ ней свершается, глубоко связано съ ея народной душой, до чего органически изживаетъ она свои страшныя судьбы.

Ф. Степунъ.